

говорить, я тебѣ 12 кораблевъ приплавлю, ужь какъ хошь“. Поѣхала сичасъ и припавила 12 кораблевъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „поѣдемъ, говоритъ, на старину“. Такъ и поѣхали. Василья то съ собой взяли, какъ онъ помогъ больно ему. А Ягѣбаба дома осталась: „куды ужь, говоритъ, мнѣ съ вами ѣхать—кости ломать“. Поѣхали, значитъ. Какъ увидала мачиха, что плывутъ они, сичасъ запиряла, запиряла. Ну, они тутъ ее и разстрѣляли. Такъ и стали жить Иванъ-царевичъ съ своей невѣстой.

Орловской у., д. Калямова 1882 г.

131. [„По колѣна ноги въ золотѣ....“].

Жилъ царь, богатой-пребогатой, а у него была жена, беременна ходила. Растряслась она и принесла ему робенка; говоритъ: „поди ты, супругъ мой любезной, баушку мнѣ приведи“. Царь сичасъ оболокся, пошелъ. Шелъ, шелъ, навстрѣчу ему и попадается Ягѣ-баба. „Ты куды, говоритъ, Иванъ-царевичъ, собрался? сказывай!“ — „Да иду, говоритъ, по баушку: жена вотъ у меня растряслась....“ Яги-баба и говоритъ: „а я, говоритъ, чѣмъ не баушка? сумѣю, небось, повить робенка. Возьми меня“. — „Подемъ!“ говоритъ. Ну, ладно, пришли они домой. Яги-баба баньку стопила, взяла робенка, сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. Взяла сама поросѣнка да и несетъ въ избу, говоритъ: „не далъ Богъ сынка, далъ поросеночка“. Посадила за столъ и ушла домой. Ладно. Годъ прошелъ. Только царица и опять понесла; растряслась, посылаетъ царя: „поди, приведи ты мнѣ баушку“. Оболокся царь, пошелъ. Только и видитъ: опетъ ему встрѣчу Яги-баба идетъ, куликаетъ. Остановила его и спрашиваетъ: „ты куда, говоритъ, царь, пошелъ, кака у тебя бѣда приключилась, сказывай?“ — „Да вотъ, говоритъ, иду по баушку; жена, вишь, у меня растряслась“. Ягѣ-баба и говоритъ ему: „возьми меня: чѣмъ я не баушка?“ — „Такъ что, подемъ, говоритъ, все едино“. Вотъ ладно. Пришла Яги-баба, баньку стопила, робенка сносила, попарила, помыла, красненьку рубашку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку прово-

дила. Взяла сама щенёнка да и принесла въ избу. „Вотъ, говоритъ, не далъ Богъ сына, далъ Богъ щененочка“. Посадила за столъ, пошла домой. На другой годикъ царица опять понесла. Посылаетъ за-мужемъ. — „Поди, говоритъ, сходи, супругъ любезной, по баушку“. Царь скоро оболокся, пошелъ. Встрѣчь опять Яги-баба попадаетъ. „Зачѣмъ, куды идешь, Иванъ-царевичъ, сказывай“. — „Жена растряслась, по баушку иду“. — „Возьми меня, говоритъ это Яги-баба. Ужъ я бы тебѣ какъ помыла его“. — „Нѣтъ, говоритъ, куды. Поищу похуже“. — „Да нѣтъ, ты возьми, братецъ, видишь, рази я ни здоровая, ни сытая, ни красивая— уморю что-ли твоего робенка“. Царь взялъ ее, потому какъ пристаётъ къ ему. Повелъ онъ ее къ царицѣ. Яги-баба сичасъ баньку стопила, робенка сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. А сама взяла лягушу несетъ въ избу. „Не далъ, говоритъ, Богъ сына, далъ лягушеночка“. Посадила за столъ и, говоритъ царю: „пошто у тебя, царь-батюшко, жена носитъ эку погань, а робенковъ нѣтъ. Посади ты ее на дощечку да заколоти въ бочку да на рѣку и спусти“. Царь слушаетъ ее. Приказалъ заколотить царицу въ бочку, и щененочка, и поросеночка, и лягушу туда запятить. Пустили ихъ въ море. А Яги-бабѣ царь и говоритъ: „живи у меня Яги-баба, постелю стели, полъ мети, щи вари, а кашу будёмъ варить оба“. Такъ и осталась у ёво Яги-баба.

Вотъ бочка плывётъ по рѣкѣ, три ужъ года плыветъ, а на землю не вскинется. Лягуша и говоритъ: „здѣсь, мамонько, не баско — темно; а я скажу вотъ: „бочка, къ бережку приплыви,—она и приплывётъ“. — „Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлашь? Нешто послушаетъ тебя бочка“. — „Да ужъ, говоритъ, послушаетъ, да и говоритъ: „бочка, къ бережку плыви, плыви“. Бочка и приплыла къ бережку. Вотъ лягушка и говоритъ опять: „мамонька родима, я молвлю: „бочка, расколись, она и расколется“. — „Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлаешь? гдѣ тебѣ тутъ: бочка-то смолѣвая, желѣзнымъ обручамъ скована“. — „Ничего, говоритъ, мамонька, ужъ я сдѣлаю“. Говоритъ: „бочка, расколись, растреплись“. Бочка и раскололась. Они всѣ и вышли.

Идутъ дальше. Царица идетъ, и поросеночекъ, щенено-

чекъ бѣжить; лягуша отъ ихъ не отстаётъ: прыгаетъ передомъ инды. Вотъ ладно. Шли, шли; пришли, глядятъ, — батюшки, какъ баско: чистыя поля, зелены луга, потоки царски поютъ пѣсни арски (вм. райски). Идутъ, любятъ: „вотъ такъ баско!“ Видятъ: тутъ домъ стоитъ, большой такой, може вонъ съ черковъ, али больше. Они туды заглянули; сидятъ тамъ трое дѣточекъ, ужъ такихъ-то ли славныхъ да отважныхъ, въ красныхъ рубашечкахъ всѣ, ученые такіе, жалъ поглядѣтъ. Царица и плачетъ, горько плачетъ: „у всѣхъ, говоритъ, дѣтки, какъ есть, а у меня ишь гаведа какая! Хоть бы провалились куды нибудь“. Лягуша и говоритъ будто ей: „не сбывай ты насъ, мамонька, не сбывай: твои вѣдь все, а въ домикъ-то въ красныхъ рубашечкахъ-то братчики наши“. — „Какъ, говоритъ, такъ?“ — „А такъ, говоритъ. Ягѣ-баба ихъ примыла, принарядила да сюды и пустила. Вишь, какіе умные топеръ сдѣлались“.

Услыхала какъ это царица, какъ заплачетъ. Ужъ такъ-то плачетъ, такъ-то плачетъ, будто дождь большой идетъ. А лягуша ей опять и говоритъ: „да ты, говоритъ, мамонька, не плачь: мы ихъ достанемъ. Только вотъ ты нацѣди у себя грудного молока, колобокъ замѣсимъ да имъ и отдадимъ. Сичасъ они и узнаютъ матушку свою“. Царица тутъ сичасъ молока у себя нацѣдила; замѣсили колобокъ, въ печку поставили; румяный вышелъ, скусный — такъ бы вотъ и съѣлъ. Лягуша и говоритъ: „привяжи ты его, мамонька, къ веревочкѣ да и пусти по водѣ. Онъ сичасъ приплыветъ къ братцамъ, прямехонько къ нимъ. Они и поѣдятъ его“. Ладно. Царица привязала колобокъ къ веревочкѣ и пустила по морю. Поплылъ, поплылъ колобокъ — прямо къ братцамъ во дворъ. Видятъ братцы, колобокъ плыветъ; „давай, говоритъ, съѣдимъ его, больно онъ румянъ, скусный, чай, поди, сладкой“. Ну, и съѣли. Сичасъ у нихъ въ сердцѣ и зашевелилось: „это, говоритъ, безпримѣнно намъ матушка наша родная прислала. Гдѣ ни на есть она тутъ“. Снарядились, пошли искать. Хватъ — анъ она тутъ и есть. Сичасъ они въ избу къ себѣ ее, стали почитать всѣмъ, въ передній уголъ засадили. Поросеночекъ, щененочекъ, лягуша все съ ней, не отстаютъ, и за столъ сѣли. Сынки и спрашиваютъ ее: „Что ты, говорятъ, матушка, водишься съ кѣмъ, разѣ не нашла кого получше?“ А мать имъ и отвѣчаетъ: „это, го-

ворить, все мои сыночки; нельзя кинуть ихъ: свое вѣдь“; да и рассказала, все какъ есть рассказала, про лягушку, какъ она, значить, и изъ моря вынесла, и домъ нашла, и все. Только сынки и говорятъ: „мамонька ты, свѣтъ наша! больно намъ хотца на родителя посмотрѣть. Живемъ мы здѣсь безъ разума, безъ родителева благословенія. Отведи ты насъ къ нему“. Вотъ и пошли; чистыя поля, зеленыя луга, поточки царски поютъ пѣсни арски—за ними идутъ. И поросеночекъ, и лягуша, и щененочекъ тутъ-же. Ну, и пришли они домой. Ягѣ-баба, какъ шальнѣ, бѣгаетъ съ угла на уголъ, стрѣляетъ по избѣ; видитъ, значить, плохо: рѣжанечъ ей будетъ. А царь увидалъ ихъ, сичасъ встрѣчать вышелъ. Привелъ ихъ въ избу. И стали они жить да поживать да добра наживать. Вамъ сказка, а мнѣ баранковъ связка; вамъ на поученье, а мнѣ на угощенье. Здоровы будьте, добры люди!

Орловскій у., дер. Калямова. 1882 г.

132. Маёрша.

Жила-была маёрша. Пошла она къ обѣднѣ. А она баская, красивая была, кто не идетъ — заглядится. Вотъ и идетъ тутъ мимо татаринъ, баетъ ей: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“. И опять, значить, своей дорогой пошла. Вотъ ладно. Навстрѣчу тутъ попадается дьяконъ: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ, сладимся“. Идетъ дальше. А тутъ попъ къ обѣднѣ пошелъ, увидалъ маёршу да и баетъ: „миленька маёрша, полюби, баетъ, меня“. — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“.

Вотъ ладно. Маёрша мужу и баетъ: „подъ, баетъ, куды-нибудь на вечеръ, ко мнѣ гости придутъ“. Онъ ушелъ. Только что ушелъ онъ, приходитъ татаринъ да приносить денегъ мѣшокъ; баетъ: „куды деньги то дѣвать, миленька маёрша?“ — „Ну, баетъ, вали за печь“. Сѣли тутотка они на печь, баяли, баяли. Татаринъ и сказалъ: „не пора-ли намъ, миленька маёрша, спать?“ — „Ночь ищю долга,—наси-димся, набаемся“. Это будто маёрша-то баетъ. А тутъ дьяконъ стучится, въ калитку, значить, бухаетъ со всѣхъ силъ: